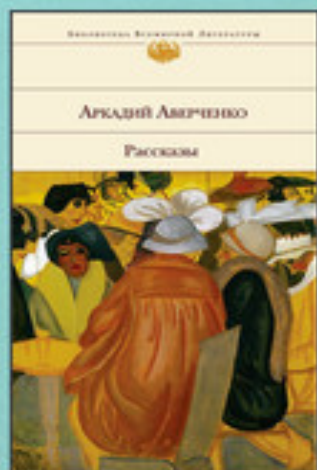

Аркадий Аверченко

Записки простодушного

*Часть сборника
Рассказы*

Annotation

«– Ехать так ехать, – добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки. ...»

- [Аркадий Аверченко](#)
 - [Предисловие простодушного \(как я уехал\)](#)
 - [Первый день в Константинополе](#)
 - [Галантная жизнь Константинополя](#)
 - [Деловая жизнь](#)
 - [Русские женщины в Константинополе](#)
 - [Русское искусство](#)
 - [Константинопольский зверинец](#)
 - [О гробах, тараканах и пустых внутри бабах](#)
 - [Еще гроб](#)
 - [Русские в Византии](#)
 - [Аргонавты и золотое руно](#)
 - [Развороченный муравейник](#)
 - [Трагедия русского писателя](#)
 - [О русском писателе](#)
 - [Язык богов](#)
 - [Дела](#)
 - [Заключение](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Аркадий Аверченко
Записки простодушного

Предисловие простодушного (как я уехал)

– Ехать так ехать, – добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки.

Осенью 1920 года мне пришлось наблюдать в Севастополе редкое климатическое явление...

Именно, когда уже наступили прохладные дни, обещавшие с каждой неделей делаться все прохладнее и прохладнее, пока вся эта вереница суток по исконным правилам календарей не закончилась бы зимой, в эти осенние дни ко мне пришел знакомый генерал и сказал:

– Вам нужно отсюда уезжать...

– Да мне и тут хорошо, что вы!

– Именно вам-то и нельзя оставаться. Скоро здесь будет так жарко, что не выдержите...

– Жарко?! Но ведь уже осень, – чрезвычайно удивился я.

– Вот-вот. А цыплят по осени считают. Смотрите, причтут и вас в общий котел... Говорю вам – очень жарко будет!

– Я всегда знал, что климатические условия в Крыму чрезвычайно колеблющиеся, но, однако, не до такой степени, чтобы в октябре бояться солнечного удара?!

– А кто вам сказал, что удар будет «солнечный»? – тонко прищурился генерал.

– Однако...

– Уезжайте! – сухо и твердо отрубил генерал. – Завтра же рано утром чтобы вы были на борту парохода!

В голосе его было что-то такое, от чего я поежился и только заметил:

– Надеюсь, вы мой пароход подадите к Графской пристани? Мне оттуда удобнее.

– И в Южной бухте хороши будете.

– Лыстец, – засмеялся я, кокетливо ударив его по плечу булкой, только что купленной мною за три тысячи... – Хотите кусочек?

– Э, не до кусочков теперь. Лучше в дорогу сохраните.

– А куда вы меня повезете?

– В Константинополь.

Я поморщился.

– Гм... Я, признаться, давно мечтал об Испании...

– Ну вот и будете мечтать в Константинополе об Испании.

В тот же день я был на пароходе, куда меня приняли с распростертыми объятиями. Это действительно правда, а не гипербола, насчет объятий-то, потому что, когда я, влезши на пароход, сослепу покатился в угольный трюм, меня внизу поймали чьи-то растопыренные руки.

На пароходе я устроился хорошо (в трюме на угольных мешках); потребовал к себе капитана (он не пришел); сделал некоторые распоряжения относительно хода корабля (подозреваю, что они не были исполнены в полной мере) и, наконец, распорядился уснуть.

Последнее распоряжение было исполнено аккуратнее всего...

Путешествие было непродолжительное, но когда мы подошли к Константинополю, то меня ни за что не хотели спускать на берег.

Я сначала думал, что команда и капитан так полюбили меня, что одна мысль расстаться с таким приятным человеком была им мучительна, но на самом деле случилось наоборот: не пускала на берег союзная полиция, а команда не прочь была бы даже выкинуть нас всех за борт, только чтоб развязаться с беспокойным непоседливым грузом.

Не желая быть в тягость – ни команде, ни полиции, – я ночью потихоньку перелез на стоявший подле русский пароход-угольщик, где старые морские волки приняли меня как родного...

Милые вы люди! Если вы сейчас где-нибудь в плавании по бурному океану – пусть над вами ярко и ласково сияет солнце, а под килем нежная морская волна пусть нежит вас, как колыбель, – крепко желаю вам этого!

* * *

Приступая к «запискам», я прежде всего хочу сказать несколько теплых слов – в защиту одного господина...

Того самого, который, по утверждению старинной русской легенды, прегорько рыдал на свадьбе и весело плясал на похоронах.

Этого господина легенда окрестила ярким исчерпывающим именем:

– Дурак.

Да полно! Так ли это! Не произошло ли в данном случае жестокой исторической несправедливости? Дурак!.. Не наоборот ли? Не мудрец ли этот русский, проникший светлым умом в самые глубинные тайны русского бытия.

Человек горько плачет на свадьбе... Да ведь он прав! Ему, конечно, жалко эту безумную пару, бросающуюся, очертя голову, рука об руку в пучину, из которой и одному-то не выбраться!

Человек веселится на чужих похоронах... Да ведь и тут он тысячу раз прав, этот мудрец, тихо радующийся, что вот, дескать, хоть один человек, наконец, устроился как следует: не нужно ему ни пайка, ни визы, ни перескакивания с одного берега на другой.

Пора, пора – давно пора – пересмотреть наше отношение к дураку. Он мудрец. Может быть, раньше это было трудно понять, но теперь, когда вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах, мы многое должны пересмотреть и переоценить.

Впрочем, если быть искренним, то за «бывшего» дурака, а ныне мудреца я распинаюсь не без тайной цели: попутно я хочу оправдать и себя, потому что отныне я тоже решил «улыбаться на похоронах»...

Первый день в Константинополе

...Я забрал с парохода свои вещи, сел в лодку и поехал к Галатскому берегу.

И едва лодка клюнула носом каменную плиту пристани, и едва в лодку свалился живой клубок разнокалиберных тел – я понял, что меня здесь знают. Потому что так орать и спорить из-за сомнительной чести тащить мои чемоданы могут только люди, искренно чтущие любимого писателя.

Эти восточные поклонники быстро расхватили мои вещи – и мы понеслись в голубую неизвестную даль, короче говоря, на Перу, а еще короче говоря, в ту маленькую комнату, которую мне наняли заранее.

На Пере среди грохота и гвалта меня остановила какая-то божья старушка – столь же уместная тут, как цветочек незабудки в пасти аллигатора.

– Что вам, бабушка?

– Голубчик мой, а где ж тут турки?

– Которые?

– Да ведь это, чай, Турция.

– Чай, она.

– А чего ж турка ни одного нет?

Чтобы успокоить эту мятущуюся душу, я ткнул пальцем в какого-то господина в феске, свирепо пожиравшего слоеную дрянь с лотка.

Это был единственный турок на горизонте.

– Вот этот? Вы чего ж, батюшка, в германскую войну давеча втемяшились?

Турок пожал плечами и отвечал:

– Эх, тетя! Нешто не признали? Вместе на «Сиаме» из Севастополя ноги уносили...

И обернулся к продавцу:

– Комбьен сетт гато?

– Бешь груш.

– Олл райт. А риведерчи, тетушка^[1].

Как во время настоящего приличного столпотворения все говорили на всех языках.

Однако больше всего ухо улавливало французский язык. Говорили на нем беженцы так, что даже издали слышался густой запах нафталина, как от шубы, которая долго лежала в сундуке без употребления и которую наконец-таки извлекли на свет божий и стали перетряхивать.

Около ресторана Сарматова я слышал такой диалог.

Господин сделал испуганное лицо и, подбирая французские слова с таким страхом, с каким неопытная барышня впервые заряжает револьвер, спросил прохожего:

– Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс?

Спрошенный ответил:

– Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси^[2] будут... гм... черт его знает, забыл, как по-ихнему железные ворота?

– Же компран^[3], – кивнул головой первый. – Я понимаю, что такое железные ворота. Ла порт де фер.

– Ну вот и бьен^[4]. Идите все а гош – прямо и наткнетесь.

* * *

В этот вечер я заснул рано, а проснулся еще раньше: ужасный, нечеловеческий вопль прорезал утренний воздух под самым моим окном.

Мой компаньон по комнате вскочил с кровати и поглядел на меня диким взглядом:

– Понимаете, что это значит? Кемалисты вошли в город.

– Н-да, въехали мы в историю, – пробормотал я. – Из огня да в полымя. Однако пойдем на улицу. Вы не боитесь?

– Ну вот, не видал я этих резнев. Чего там бояться. Русские, чай.

А крики, вопли, стоны и мольбы о помощи все неслись и неслись с улицы. Чувствовалось, что там, за стеной, растут целые гекатомбы свеженарезанных тел, обильно орошенных кровью.

Мы не могли больше... Мы выбежали на улицу.

Молодой грек стоял около корзиночки, на дне которой терялось полдесятка полудохлой скумбрии, и, разинув рот, ревел во все горло...

Мы остолбенели.

– Слушайте, а ведь это он кричит.

- Но ведь его не режут.
- А надо бы. Не кричи, каналья.
- Товар продает. Известно, трудно им.
- Однако послушайте... Если, продавая только полдесятка дохлой скумбрии, он так орет, какие же он издаст звуки, если ему поручить продать шестиэтажный дом?

Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко раскрыв огромную пасть, олушительно заревел: зверь хотел кушать.

Галантная жизнь Константинополя

Шел я недавно по той улице, на которой живу, – вдруг мое праздное внимание привлек один большой ярко освещенный дом. Изнутри доносилась странная, чисто восточная музыка и слышался топот чьих-то танцующих ног. В окнах мелькало много женских теней.

– Э! – сказал я сам себе. – Это, наверное, гарем какого-нибудь константинопольского вельможи! Очевидно, он справляет день рождения и захотел повеселить бедных гаремных затворниц! Вот они где – чарующие тайны загадочного Востока!

Не успел я этого подумать, как из дверей выпорхнула очаровательная женская фигурка и, схватив меня за рукав, ясно показала, что ей хочется втащить меня внутрь таинственного дома.

Надо сознаться, что я славлюсь своей скромностью по всему Анатолийскому побережью, но надо также сознаться, что в тот момент пикантное приключение совсем вскружило мне голову.

Возможность проникнуть в гарем знатного вельможи на секунду очень соблазнила меня, и я даже сделал движение по направлению к дверям, но тут же одумался.

А что дальше?

А что, если паша вдруг неожиданно поймает меня в гареме? Я человек храбрый – и не за себя я боялся!.. Нет, я боялся за жизнь этого кроткого, застенчивого, полудикого создания, которое так доверчиво тащило меня за рукав, очевидно, чрезвычайно очарованное моей респектабельностью и манерами. Я боялся, что не взойдет и два раза луна на небе, как эта женщина будет лежать в мешке на дне Босфора. Мой коллега Пьер Лоти неоднократно писал о таких штуках.

Эти соображения охладили меня. Я освободил свой рукав, сделал селям бедной затворнице и быстро удалился, давая дорогу четырем английским матросам – очевидно, близким друзьям паши, потому что они вошли в дом без доклада, как близкие люди.

На другой день утром – о, слабость человеческая! – я решил похвастать перед друзьями своим головокружительным успехом у турецкой дамы и рассказал все приключение, не утаив ни капельки...

Мне случалось видеть, как смеются люди, я сам люблю иногда хихикнуть в подходящем случае – но это был не смех! Это было сокрушительное ржание обезумевших жеребцов.

– Не понимаю, что здесь смешного, – пожал я плечами. – Конечно, одни мужчины имеют больший успех у женщин, другие – меньший, но...

– Знаете, что это за дом? – спросил один приятель, отдышавшись.

И шепнул на ухо словцо, которое заставило вспыхнуть меня до корней волос.

– Быть не может! – воскликнул я в ужасе. – Ведь на этой же улице находится моя квартира!!

– Ну что ж такое. Подобное соседство здесь бывает зачастую.

– Нет! Ни одного дня моя нога не останется в этой квартире. Как? Не предупредить меня, когда я снимал комнату? Сейчас же иду и выскажу своей хозяйке все, что я о ней думаю!!

Разгоряченный, я выскочил из кафе на улицу и... тут же – одно веское соображение приковало меня к месту. На каком языке я выскажу хозяйке негодование? Она говорит только по-гречески, а мой запас слов на этом языке был чрезвычайно ограничен: кали-мерос, Венизелос и малиста – вот те три слова, которыми мог я орудовать и которые в самой остроумной комбинации все-таки не могли быть материалом для продолжительной морально-этической беседы.

На мое счастье, я тут же наткнулся на древнюю согбенную гречанку, продавщицу спичек, предлагавшую товар на ломаном русском языке.

– Нет, бабушка, – сказал я. – Мне ваших спичек не надо. Но если вы переведете моей хозяйке все то, что меня обурекает, – я вам заплачу пол-лиры.

Предложение оказалось соблазнительным – и мы через минуту уже шагали рука об руку к моему дому.

– Как по гречески «нога»? – спросил я. Она ответила каким-то бесформенным, клейким, как рахат-лукум, словом.

– Ну вот. Так скажите, что мое это самое у нее в доме не будет!

На звонок нам открыла сама хозяйка.

И вдруг, увидев нас, она подняла такой крик, что, вероятно, слышно было на Пере.

– Что она кричит? – спросил я старушку, которая вдруг сразу расцвела от хозяйкиного рева и даже кокетливо поправила выцветшую косынку на безволосой голове.

– Ма, она говорит, сто вы не моги приводить себе на квартиру даму! Она говорит, сто эта неприлицна, сто эта цестный дома, сто нельзя дами водити...

– Какую даму? – остолбенел я. – Я никого не приводил.

– Она эта говорити на меня. Я – дама.

И, польщенная этим диким предположением, она игриво толкнула меня полуразрушенным локтем.

Я сочно выругался, вынул пол-лиры и сунул ей в руку.

– Пошла вон, старая ведьма. Будьте вы обе прокляты.

И тут же заметил на лице хозяйки чувство сожаления ко мне, как к человеку, который заплатил за любовь деньги, не насладившись в то же время радостями этой любви...

Деловая жизнь

Ознакомившись с городом, я решил заняться делами. Узнав, что все деловые люди собираются в специальном кафе на Пере, я пошел туда, потребовал чашку кофе и уселся выжидательно за столик – не наклонится ли какое дельце.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Ко мне подсел неизвестный господин, потрепал меня по плечу и сказал:

– Здравствуйте, господин писатель. Не узнаете меня?

– Как не узнаю, – с вялой вежливостью возразил я. – Очень даже хорошо узнал. Как поживаете?

– Дела разные ломаю. А вы?

– Я тоже думаю каким-нибудь делом заняться.

– Лиры есть?

– Немножко есть, – хлопнул я себя по карману.

Лицо моего собеседника выразило напряженное внимание.

– Гм!.. Что бы мне для вас придумать?.. Гм!.. Есть у меня одно дельце, да... Впрочем, поделюсь с вами. Скажите! Вы знаете, сколько весит баран?

– Какой баран? – удивился я.

– Обыкновенный. Знаете, сколько он весит?

– А черт его знает. Я до сих пор писал рассказы, а не взвешивал баранов.

– Как же вы не знаете веса барана? – с упреком сказал незнакомец.

– Не приходилось. Впрочем, если нужно, я как-нибудь на днях... когда будет свободное время...

– Ну так вот! Знайте же, что средний баран весит три пуда!!!

Я изобразил на своем лице напряженное удовольствие.

– Смотрите-ка! Кто бы мог подозревать.

– Да, да... Три пуда. А вы знаете, сколько стоит фунт баранины? Пятьдесят пиастров.

– Да... вообще сейчас жизнь очень запуталась... – неопределенно заметил я.

– Ну, для умного человека жизнь проста как палец. Итак, продолжаю. А знаете ли вы, сколько стоит целый баран в Кады-Киое?! Десять лир! Итак – вот вам дело: вы даете двадцать лир и я двадцать лир – я покупаю двух овец, режу их...

– Не надо их резать, – сентиментально попросил я. – Они такие хорошенькие.

– А как же иначе мы их на мясо продадим? Я их сам зарежу, не бойтесь. Итак, на ваши двадцать лир вы будете иметь шесть пудов овечьего мяса, по розничной цене – шестьдесят лир!!! Да шкура в вашу пользу, да рога.

Хотя я до сих пор рогатых овец не встречал, но это была, очевидно, особая местная порода. Я кивнул головой с видом знатока:

– Очень хорошее дельце. А когда прикажете внести деньги?

– Да хоть сейчас! Чем скорее, тем лучше. Сколько тут у вас? Ровно двадцать? Ну вот и спасибо. Завтра утром бараны уже будут у нас. Хотите, я приведу их к вам показать?

Я замялся.

– Не знаю, удобно ли это... Вдруг ни с того ни с сего бараны заходят на квартиру... Да еще моя хозяйка против этих посторонних визитов... Нет, лучше их просто зарежьте. Только не мучайте, хорошо?

Мой новый компаньон заверил, что смерть этих невинных созданий будет совершенно безболезненна и легка, как сон, и, пожав мне руку, умчался с озабоченным лицом.

С тех пор прошло 8 дней. Пока я не вижу ни моего компаньона, ни баранов, ни прибыли. Очевидно, с компаньоном что-нибудь случилось... Иногда по ночам меня мучит совесть: прав ли я был, поручив этому слабосильному человеку опасную процедуру умерщвления баранов? А что, если они по дороге сбежали от него? А что, если они перед смертью вступили с ним в борьбу и, разъяренные предстоящей участью, растерзали моего бедного компаньона?..

* * *

Вчера со мной произошел удивительный случай. Иду по улице – вдруг вижу: мой компаньон навстречу. Я радостно кинулся к нему.

– Здравствуйте, голубчик! Ну что слышно с баранами?

Он удивленно взглянул на меня:

– Какие бараны? Простите, я вас совершенно не знаю!

– Ка-ак? Да ведь мы же вместе хотели заработать на баранах?

– Простите, я вас в первый раз вижу. Я иногда зарабатываю на баранах, но зарабатываю один.

И, отстранив меня, он пошел дальше.

«Однако какое удивительное сходство, – бормотал я себе под нос, провожая его взглядом. – То же лицо, тот же голос и даже на баранах зарабатывает, как и тот!»

Много тайн хранит в себе чарующий загадочный Восток.

Русские женщины в Константинополе

Я спросил своего приятеля, разбитного малого и доку по здешним делам:

– Слушай... Я все вижу только одну уличную, по-моему, очень неприглядную жизнь... А где здесь, например, хорошее русское общество?

– А вот зайдем... Здесь есть за углом кабачок. Вот оно и будет хорошее русское общество.

– В кабаке?

– Ну уж и «в кабаке». Нужно, милый мой, выражаться мягче: «в кабачке», «в ресторанчике»... А то, что это за скифское: «кабак».

Мы подошли к каким-то дверям и... с этих пор мой приятель повел себя крайне странно: расцеловался с бравым швейцаром, дружески пожал руку бородатому буфетчику за стойкой и, усаживаясь за столик, потер руки с тем непередаваемым значением, когда русский человек собирается хватить рюмку водки с подобающей этому напитку закуской:

– Ну-с... Полбутылочки очищенной, селедочку в горчице и балычка с перчиком.

Я осмотрелся. В одном углу за столиком сидела с кавалером известная всему Петербургу Динка-Танцуй, в другом Манька-Кавардак, в третьем два именитых столичных шулера, битых в свое время так, что выдубленная кожа на их лицах сделалась нежной и гладкой, как атлас.

– Вот это, по-твоему, хорошее русское общество?! – ахнул я.

– Да не это, чудак. Ты на слуг обрати внимание.

Прехорошенькая дама в кокетливом передничке подошла к нам с карточкой.

– Честь имею приветствовать вас, графиня, – изысканно расшаркался приятель. – Позвольте, графиня, представить вам моего друга писателя Простодушного.

– Ну как же, знаю, – милостиво сказала графиня, протягивая очаровательную ручку. – Когда мой муж был товарищем министра, мы часто в сумерки читали вас вслух. Бывало, заеду к Вольфу...

– Катя, – подошла к графине другая дама с крайне озабоченным видом. – Тебя к седьмому номеру просят. Неси им шницель.

– Поспеют с козами на торг! Потом я вас часто видела в Мариинском на премьерах. У нас был абонемент в третьем ряду, а у вас... Зиночка, запиши там, пожалуйста, сорок пиастров за камбалу! Однажды даже около Фелисьена, когда мой автомобиль испортился, вы предоставили любезно свой эки... Маруся, смотри, твой гость, кажется, уходит, не заплативши!.. Вот жулье! Да, позвольте! Ведь вы даже танцевали со мной однажды на балу в итальянском посольстве... Пошли ты хозяина к черту, Зинка! Как я пойду в кабинет, когда там все пьяные, как зюзя! Пусть сам принимает заказ! Вы не знакомы? Зинаида Николаевна, баронесса фон Толь. Присаживайся, Зинка. Верите ли, господа, так редко теперь настоящих культурных людей. Иногда только с нашим швейцаром перекинешься словом...

– Почему... со швейцаром... – растерялся я.

– Он бывший профессор Бестужевских курсов.

– Может, и человек у вешалки бывший полковник? – пошутил я.

– Нет, что вы! Генерал. У нас только один буфетчик из разночинцев: бывший настоятель Покровского собора.

Мы еще посидели с полчаса с графиней и баронессой; выпили графинчик водки, поговорили о последнем романе Боборыкина; съели сосиски с капустой; поспорили о Вагнере; закончили чашкой турецкого кофе и обсуждением последних шагов Антанты.

Целуя на прощанье дамам руки, я спросил:

– А ваш супруг, графиня, тоже здесь?

– То есть где? Да, он в Константинополе, но здесь не бывает.

– Тяжело? – тихо спросил я.

– Нет, здешний хозяин не пускает. Мужьям вообще вход воспрещен. Как гость, конечно, может, но ему, понимаете ли, не до того: газеты на Пере продает.

Когда мы вышли, приятель мой сказал:

– Ну вот и поворачались в обществе.

Встретил около Токатлиана друга своего Филимона Бузыкина. Правду сказать, это была дружба наполовину: только он считал меня своим другом, я же относился к нему с той холодной унылостью, которая всегда является следствием колебания: пожать ли ему руку или дать пинка в живот.

Звали его Филимон Бузыкин – бывший оптовый торговец бычьими шкурами и солеными кишками.

Именовал он себя «ходоком насчет женского пола», но в какие места ходил Филимон Бузыкин за этим священным делом, я не рискнул бы указать печатно.

– Писатель! – заревел он наподобие одного из его быков во время операции сдирания шкуры. – Вот здорово! И вы туточки?! Ну как насчет женского пола?

– Подите к черту, – посоветовал я.

– Нет, серьезно. Вот, знаете, где нашему брату – лафа! Такие, брат, бабеночки, и все русские, и все русские! Княгиня – пожалуйста! Баронесса – пожалуйста!

И, согнувшись в виде буквы «Г», он оглушительно захохотал.

Своим хохотом он занял весь тротуар, потому что тротуары здесь очень узенькие, а буква «Г» вовсе не такая буква, чтобы дать кому-нибудь проход своей верхней перекладиной.

Проходивший англичанин наткнулся на эту живую преграду, постоял, крикнул, смел стеком смешливого Филимона на мостовую и – длинный, прямой, холодный, как палка, – проследовал дальше.

Я разогнул Филимона и попросил его держать себя тише и прямее.

– Ой-же-ж, не могу, до чего тут хорошие бабенки в ресторанчиках!

– Осел вы, – строго сказал я. – Из-за того, что приличные женщины, по нужде, пошли служить в ресторан, вовсе не надо взвизгивать и икать на всю Перу.

– Приличные?! Ой, вы ж меня уморите. Да любая из них даст вам поцелуйчик! Я одну поцеловал – она так разнежилась: «Ах ты, говорит, стюпидик мой, со, говорит, ты мое!»^[5] – так и режет по-французски.

– Филимон, ты глуп, – нетерпеливо сказал я.

– Я глуп? А хотите, вот сейчас пойдем в эту кабачару – тут есть прехорошенькая. Если не сорву поцелуйчика – я вас угощаю «Моэт-Шандоном», сорву – вы меня.

Это был редкий случай, когда честь женщины колебалась на горлышке шампанской бутылки.

Филимон втопил меня в ресторан, плюхнулся за столик и, вертя корявым пальцем, подозвал к себе пышную золотоволосую блондинку в традиционном передничке.

– Маруся! Подь-ка сюды.

– Я не Маруся, – спокойно возразила дама, глядя холодными застывшими глазами поверх головы Филимона Бузыкина.

– А кто же вы? – спросил Филимон, разглядывая ее с тупой раздумчивостью.

– Я – баронесса Тизенгаузен. Меня зовут Елена Павловна.

– А! Очень приятно. Каково прыгается? Присели бы, а?..

– Не могу, простите. Должна принять заказ на другом столе.

Филимон толкнул меня в бок и обратился к даме чертовски фривольным тоном:

– О, сэтт аффре!^[6] В таком случае я должен вам сказать два слова по секрету.

Он вскочил, взял растерявшуюся от его бурного натиска даму за локоть и отвел за дверь пустого кабинетика.

Первое мгновение там была мертвая тишина, но потом разразился звук, очевидно, поцелуя, потому что расторопный Филимон ручался мне в этом.

Однако никогда в жизни не приходилось мне слышать более отчетливого поцелуя. За дверью будто сговорились дать мне ясно понять, что пропала моя бутылочка «Кордон-Вэр'а».

Я вздохнул, печалюсь не столько о бутылке, сколько о баронессе...

Дверь отворилась. Мимо меня быстро прошла баронесса и скрылась в буфетной. За ней вышел Филимон, по своему обыкновению, цепляясь носком одной ноги за каблук другой.

– Слышали? – спросил он с вялым торжеством в голосе.

– Да. Звук отчетливый. Позвольте, Филимон! Ведь она поцеловала только один раз?

– Один, – с досадой огрызнулся он. – Не сто же. Я больше и не хотел.

– В щеку поцеловала?

– Да, этого... в щечку.

– Странно: один поцелуй, а на щеке пять красных следов.

– Губы накрашены, – угрюмо пробормотал Филимон, глядя в угол.

– Нет... Вы видите, краска все бледнеет и бледнеет... Вот уже и сошла. Нет, это не губная помада, Филимон! В чем же дело, Филимон?

– Отстаньте.

– Позвольте... Пора же суммировать все происшедшее... Что случилось? Человек решил за дверь сорвать у дамы поцелуй. Сказано – сделано. Я услышал за дверь звук. Но звук был один, очень отчетливый звук, а следов на щеке пять. Как же это понять, Филимон, а?..

– А может, у нее рука покрашена, – сказал Филимон, но тут же спохватился, вспыхнул и повесил голову. – Скверная бабенка, – со вздохом сказал он. – Невоспитанная.

– Ну что вы! Я ее немного знаю по Петербургу. Она окончила Смольный институт.

– И чему их там в этом институтишке учат? – сердито буркнул Филимон и, постучав согнутым пальцем по столу, гаркнул: – Эй, гарсон, унь бутыль кордону веру и апре кельк-шоз юнь жареный миндаль. Плю вить поворачивайся!^[7]

Я налил первый бокал и, не чокаясь с Филимоном, тихо в одиночестве выпил. Выпил за скорбный, покрытый кровью, слезами и грязью, неприветливый путь нынешней русской женщины.

Иди, женщина русская, бреди по колена в грязи. Дойдешь же ты, наконец, или до лучшего будущего, или... до могилы...

Там отдохнешь от жизни.

У меня на глазах стояли слезы.

Надо отдать Филимону справедливость: рассчитывался он за шампанское тоже со слезами на глазах.

Русское искусство

– Вы?

– Я.

– Глазам своим не верю!

– Таким хорошеньким глазкам не верить – это преступление.

Отпустить подобный комплимент днем на Пере, когда сотни летящего мимо народа не раз толкают вас в бока и в спину, для этого нужно быть очень светским, чрезвычайно элегантным человеком.

Таков я и есть.

Обладательница прекрасных глаз, известная петербургская драматическая актриса, стояла передо мной, и на ее живом лукавом лице в одну минуту сменялось десять выражений.

– Слушайте, Простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы – мой старый милый Петербург. Приходите чайку попить.

– А где вы живете?

Во всяком другом городе этот простой вопрос вызвал бы такой же простой ответ: улица такая-то, дом номер такой-то.

Но не таков городишко – Константинополь!

На лице актрисы появилось выражение небывалой для нее растерянности:

– Где я живу?.. Позвольте... Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, лучше дайте мне карандаш и бумажку – я вам нарисую.

Отчасти делается понятной густая толпа, толкущаяся на Пере: это все русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы.

Выручают обыкновенно карандаш и бумажка, причем отправной пункт – Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец.

Рисуют две параллельные линии – Пера. Потом квадратик – Токатлиан. Потом...

– Вот вам, – говорила актриса, чертя карандашом по бумаге, – эта штучка – Токатлиан. От этой штучки вы идете налево, сворачиваете на

эту штучку, потом огибаєте эту штучку – и тут второй дом, где я живу. Номер 22. Третий этаж, квартира барона К.

Я благоговейно спрятал в бумажник этот странный документ и откланялся.

На другой день вечером, когда я собирался в гости к актрисе, зашел знакомый.

– Куда вы?

– Куда? От Токатлиана прямо, потом свернуть в одну штучку, потом в другую. Квартира барона К.

– Знаю. Хороший дом. Что ж это вы, дорогой мой, идете в такое историческое место – и в пиджаке.

– Не фрак же надевать!

– А почему бы и нет. Вечером в гостях фрак – самое разлюбезное дело. Все-таки это ведь заграница!

– Фрак так фрак, – согласился я. – Я человек сговорчивый.

Оделся и, сверкая туго накрахмаленным пластроном фракной сорочки, отправился на Перу – танцевать от излюбленной русской печки.

Если в Константинополе вам известны улица и номер дома, это только половина дела. Другая половина – найти номер дома. Это трудно, потому что 7-й номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры неизвестны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему больше по душе.

Искомый номер 22 был сравнительно приличен: между 24-м и 13-м.

На звонок дверь открыла дама очень элегантного вида.

– Что угодно?

– Анна Николаевна здесь живет?

– Какая?

– Русская. Беженка.

– Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает. – Раздался стук каблучков, и в переднюю выпорхнула моя

приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке. Первые слова ее были такие:

– Чего тебя, Ирода, черти по парадным носят?! Не мог через черный ход приттить?!

– Виноват, – растерялся я. – Вы сказали...

– Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь того в Питербурхе знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотёпа!

Кухня была теплая, уютная, но не особенно пригодная для моего элегантного фрака. Серая тужурка и каска пожарного были бы здесь гораздо уместнее.

– Ну садись, кум, коли пришел. Самовар, чать, простыл, но стакашку еще нацедить – возможное дело.

– А я вижу, вы с гран-коклет перешли на характерные, – уныло заметил я, вертя в руках какую-то огромную ложку с дырочками.

– Чаво? Я, стало быть, тут у кухарках пристроилась. Ничего, хозяева добрые, не забиждают.

– На своих харчах? – деловито спросил я, чувствуя, как на моей голове невидимо вырастает медная пожарная каска.

– Хозяйские. И отсыпное хозяйское.

– И доход от мясной и зеленой имееете?

– Законный процент. (В последнем слове она сделала ударение на «о»). А то, может, щец похлебаешь? С обеда остались. Я б разогрела.

Вошла хозяйка.

– Аннушка, самовар поставь.

Во мне заговорил джентльмен.

– Позвольте, я поставлю, – предложил я, кашлянув в кулак. – Я мигом. Стриженная девка не успеет косы заплести, как я его ушкварю. И никаких гвоздей. Вы только покажите: куда насыпать угля и куда налить воды.

– Кто это такой, Аннушка? – спросила хозяйка, с остолбенелым видом разглядывая мой фрак.

– Так, один тут. Вроде как сродственник. Он, барыня, тихий. Ни тебе напиться, ни тебе набезобразить.

– Вы давно знакомы?

– С Петербурга, – скромно сказал я, переминаясь с ноги на ногу. – Аннушка в моих пьесах играла.

– Как... играла? Почему... в ваших?

– А кто тебя за язык тянет, эфиеп, – с досадой пробормотала Аннушка. – Места только лишишься из-за вас, чертей! Видите ли, барыня... Ихняя фамилия – Простодушный.

– Так чего ж вы тут, господи! Пожалуйста в столовую, я вас с мужем познакомлю. Мы очень рады...

– Видала? – заносчиво сказал я, подмигивая. – А ты меня все ругаешь. А со мной господа за ручку здороваются, к столу приглашают.

С черного хода постучались. Вошел еще один Аннушкин гость, мой знакомый генерал, командовавший третьей армией.

Он скромно остановился у притолоки, снял фуражку с галуном и сказал:

– Чай да сахар. Извините, что поздно. Такое наше дело швейцарское.

* * *

Мы сидели в столовой за столом, покрытым белоснежной скатертью. Мы трое – кухарка, швейцар и я.

Хозяин побежал в лавку за закуской и вином, хозяйка на кухне раздувала самовар.

А мы сидели трое – кухарка, швейцар и я – и, сблизив головы, тихо говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь – залилось океаном топкой грязи.

Усталые, затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, повешенную господом богом... Какая это мгла? Предрассветная? Или это сумерки, за которыми идет ночь, одиночество и отчаяние?

Константинопольский зверинец

– Послушайте, Простодушный, – обратился ко мне приятель. – Хотите посмотреть зверинец?

– А разве в Константинополе есть?

– Есть.

– С удовольствием. Я обожаю зверей.

– Ну, это надо делать с разбором, – наставительно процедил сквозь зубы приятель. – Так пойдем. Сейчас как раз час их кормления.

Конечно, я Простодушный. Но не до такой же степени, чтобы не отличить простой обыкновенный зверинец от простого ресторана.

А место, куда привел меня приятель, как раз и было препошлейшим рестораном, в котором если и были звери, то на тарелках и в самом неузнаваемом виде...

– Что ж вы меня дурачите? – строго спросил я. Он усмехнулся в усы.

– Не сердитесь, Простодушный. Уверяю вас, это самый настоящий константинопольский зверинец. В крайнем случае – Паноптикум. Что ни фигура – то редкая зоологическая разновидность.

– Ну что, например, интересного в том рыженьком с фиолетовым галстуком?

– В нем-то? Да это, если правду сказать, – единственный человек в мире, который ухитрился сам себя за волосы над землей приподнять.

– Но ведь сейчас он не в этом приподнятом состоянии?

– Нет. Опустился порядочно. Но, вообще... Знаете ли, что этот человек ухитрился три года пробыть военнопленным у русских?

– Ничего нет удивительного. Немец?

– Русский.

– Но воевал-то – в рядах немцев?

– В русских рядах.

– Да, тогда это действительно что-то странное. Русский – и очутился в русском плену? Может, врет?

– Нет, эту историю я знаю досконально. Видите ли, попал он в качестве русского солдата на передовые позиции. Ну сами понимаете, – холодно, иногда голодно, а вообще – страшно; стрельба,

атаки и прочие жуткие вещи. А тут однажды выслали его часовым в сторожевое охранение. И когда остался парень глухой ночью один, когда между ним и австрийцами не было никакой преграды – такая жуть взяла его, что он чуть не взвыл от страха... Так испугался, что бросил ружье и побежал куда глаза глядят. И вдруг – трах! – наткнулся на что-то. Смотрит – убитый австриец, совсем холодный. Почесал наш воин свой промерзлый затылок, раздел австрийца, надел все это на себя, захватил ружье – и твердыми шагами пошел обратно – прямо в штаб соседнего полка. Набежали наши, схватили, привели: «Ты кто?» – «Славянин. Не желаю воевать. Желаю в плен. Я люблю русских». – «Ну молодец». Угостили водкой, отослали в тыл, а потом и отправили в Сибирь, в лагерь военнопленных. Три года прожил как у Христа за пазухой.

– Гм... да. Любопытный зверь. А это кто?

– Этот? Тоже штука. Помните крымскую эвакуацию? Легко было тогда списаться на берег? То-то оно. И рекомендацию требовали, и поручительство, и отзыв о поведении... А он сделал проще: подстерег, когда французская комиссия на пароход приехала – да и запутался между французами в качестве переводчика. Суетился, переводил больше всех... Совсем подкупил французов... Те и спрашивают: «А вы тут что делаете?» – «А я, – говорит, – с вами приехал с берега – родственника хочу взять». – «А вы сами кто такой?» – «Помилуйте – у меня тут свой завод, я его туда инженером пристрою – на тысячу лир в месяц... Он замечательный человек!! Идеальная личность! Я его хочу на всю жизнь обеспечить. Вот и паспорт его – поставьте штемпелечек!» Да и подсунул свой паспорт. Они видят, такое солидное лицо ручается – поставили!

– Да... – задумчиво заметил я. – Вот это я называю самодеятельностью... Сам себя расхвалил, сам себя взял на поруки и сам же себя списал на берег... Ваш зверинец начинает меня заинтересовывать! Что это, например, за редкая черная птица?

– О нем – два слова. Буквально два. Я даже не скажу их, а только покажу его визитную карточку.

Приятель бесцеремонно подошел к жгучему брюнету, пестро одетому, попросил визитную карточку и, улыбаясь уголками рта, вернулся ко мне.

– Глядите – характеристика всего в два слова: «Христофор Христоролидис – комиссионер удовольствий». – Я даже присвистнул.

– Да разве есть такая профессия?

– Очевидно.

– Ну какое же удовольствие может доставить мне этот «комиссионер удовольствий»?.. Скажем, для меня лучшее удовольствие, когда я лягу в постель, почитать рассказы Андреева или Куприна. Что ж, он будет сидеть около меня и читать?

Приятель рассмеялся.

– Поистине, вы с честью носите свою кличку Простодушного! Нет, Христо комиссионер совсем не таких буколических удовольствий... Дайте ваше ухо.

– Ну раз ухо – тогда я понимаю и без уха. Хорошая птица!.. И лицо этакое... выразительное... и клюв на месте... А вон у того господина, наоборот, очень приличный вид.

– Еще бы! Импресарио Шаляпина.

– А-а! Возил Шаляпина?

– Нет, не возил.

– Но вы же говорите – импресарио.

– Видите ли... Он устраивал во всех городах концерты Шаляпина, но ему всегда не хватало одной маленькой подробности: самого Шаляпина.

– Однако это ведь очень густо пахнет тюрьмой...

– Помилуйте, за что же! У него все это было без уголовщины. Скажем, приезжает он в Кременчуг, выпускает афиши: «Концерт Ф.И. Шаляпина» – публика валом валит в кассу, однако там уже аншлаг: все билеты проданы. Все в отчаянии, но тут выходит этаким благодетель – он же самый – и шепчет на ухо тому, другому, третьему: «Есть у меня десятирублевые билетки, да только меньше 15 никак не могу продать». «Голубчик, продайте». Продает. А когда все билеты проданы из-под полы за полуторную цену – новый анонс: «Ввиду болезни Шаляпина концерт отменяется. Деньги за билеты можно получить обратно в кассе». И честно возвращает: на билете – 10, получи 10, на билете – 20, получи 20. До копейки со всеми расплачивается.

– Черт его знает, – опасливо покосился я на импресарио. – Мы тут сидим, разговариваем, как ни в чем не бывало, а ведь они все не в

клетках. На свободе.

И как будто в подтверждение моих слов на меня сзади накиннулся один зверь, щелкая зубами и сверкая глазами.

– А-а, – кричал он, – кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! Я ведь вас по Питеру еще знаю. Говорят, недурно устроились. Случайно есть замечательно выгодное для вас дело.

– Если замечательно выгодное, – серьезно сказал я, – то заранее иду на него.

– Вот и прекрасно! Видите ли, у меня в Орле есть дом. Так как там большевики, а мне нужны деньжата, то я бы вам его дешево продал. За три тысячи лир. Даже за полторы. Я вам и адрес дам. Дайте пока 500.

– Согласен! – весело вскричал я. – Дом беру. Тем более что у меня около Орла есть имение, на которое я не прочь поменять дом. Ваш дом стоит 3000, мое имение 3200. Доплатите мне 200 лир и забирайте все имение. Там и адреса не нужно – всякий дурак знает. Спросите «Аверченковку». Коровы есть, павлины.

Но он не слушал. Шептал уже что-то за другим столиком.

Мой приятель смеялся.

– Ничего, – говорил он. – Это не страшно. Иногда даже можно просунуть руку сквозь прутья клетки и пощекотать их за ухом.

О гробах, тараканах и пустых внутри бабах

Как-то давно-давно мне рассказывали забавный анекдот... Один еврей, не имеющий права жительствова, пришел к царю и говорит:

– Ваше величество! Дайте мне, пожалуйста, право жительствова!

– Но ведь ты же знаешь, что правом жительствова могут пользоваться только ремесленники.

– Ну так я ремесленник.

– Какой же ты ремесленник? Что ты умеешь делать?

– Уксус умею делать.

– Подумаешь, какое ремесло, – усмехнулся скептически государь, – это и я умею делать уксус.

– И вы умеете? Ну так вы тоже будете иметь право жительствова!

Прошли идиллические времена, когда рождались подобные анекдоты: настали такие времена, когда не только скромные фабриканты уксуса, но и могущественные короли не имеют права жительствова...

Некоторое исключение представляет собой Константинополь: человек, который умеет делать уксус, здесь не пропадет. Искусство «делать уксус» в той или другой форме все-таки дает право на жизнь.

Вот моя встреча с такими «ремесленниками, имеющими право жительствова», неунывающими, мужественными делателями «уксуса».

* * *

Они сидели рядышком на скамейке в саду Пти-Шан и дышали теплым весенним воздухом – бывший журналист, бывший поэт и бывш... чуть по привычке не сказал – бывшая сестра журналиста... Нет, сестра журналиста была настоящая... Дама большой красоты, изящества и самого тонкого шарма...

Всем трем я искренно обрадовался, и они очень обрадовались мне.

– Здорово, ребята! – приветствовал я эту тройку. – Что подделываете в Константинополе?

Все трое переглянулись и засмеялись:

– Что мы подделываем? Да вы не поймете, если мы скажем...

– Я не пойму? Да нет на свете профессии, которой бы я не понял!

– Я, например, – сказал журналист, – лежу в гробу.

– А я, – подхватил поэт, – хожу в женщине.

– А я, – деловито заявила журналистова сестра, – состою при зеленом таракане.

– Все три ремесла немного странные, – призадумался я. – Делать уксус гораздо легче. Кой черт, например, занес вас в гроб?..

– Одна гадалка принаняла. У нее оккультный кабинет: лежу в гробу и отвечаю на вопросы клиентов. Правда, ответы мои глубиной и остроумием не блещут, но все же они неизмеримо выше идиотских вопросов клиентов.

– А вот вы... который «ходит в женщине». Каким ветром вас туда занесло?

– Не ветром, а голодом. Огромная баба из картона и коленкора. Я влезаю внутрь и начинаю бродить по Пере, неся на себе это чудовище, в лапах которого красуется реклама одного ресторана.

– Поистине, – сказал я, – ваши профессии изумительны, но они бледнеют перед карьерой Ольги Платоновны, состоящей при зеленом таракане!

– Смейтесь, смейтесь. Однако зеленый таракан меня кормит. Собственно, он не зеленый, а коричневый, но цвета пробочного жокея, которого он несет на себе, – зеленые. И потому я обязана иметь на правом плече большой зеленый бант: цвет моего таракана. Да что вы так смотрите? Просто здесь устроены тараканьи бега, и вот я служу на записи в тараканий тотализатор. Просто, кажется?

– Очень. Все просто. Один в гробу лежит, другой в бабе ходит, третья при таракане состоит.

Отошел я от них и подумал:

«Ой, крепок еще русский человек, ежели ни гроб его не берет, ни карнавалье чучело не пугает, ежели простой таракан его кормит...»

Это одна сторона – прекрасная сторона – русского характера...

А вот другая сторона...

Еще гроб

Иногда – ни с того ни с сего – накатывает такое веселое, радостное настроение, что ходишь, внутренне подпрыгивая, как козленок, что хочется весь мир обнять, что внутри – будто целая стая воробьев щебечет.

В такие минуты любо беспричинно бродить по улицам, обращая умиленное внимание на всякий пустяк, попадающий в поле зрения: на турка, исступленно выкрикивающего свой товар; на деловитого грека, бегущего из харчевни с тарелочкой, на которой горсточка вареного риса, возглавленного крохотным кусочком баранины; на фотографическую витрину с усатыми, толстоногими гречанками, любящими сниматься непременно у фальшивого бутафорского рояля или около белой картонной лошади, шея которой обвивается топорной рукой самым шаловливым и грациозным образом, – все привлекает праздное, благодушное внимание, все заставляет или мимолетно усмехнуться, или мимолетно задуматься...

В таком безоблачном настроении любо зайти в светлый чистенький ресторанчик, проглотить кружку холодного пива и уничтожить какую-нибудь отбивную котлету, бродя рассеянно глазами по вечному портрету Венизелоса на стене, обильно засиженному мухами, и по разложенным листам бумаги от мух, девственно чистым – на зависть облюбованному летучей армией Венизелосу.

Недавно зашел я в таком бодром, искрящемся настроении в ресторанчик, уселся за стол; подошла очень недурная собой русская дама и, сделав независимое лицо аристократки времен французской революции, ведомой на гильотину, кротко спросила:

– Чего вы хотите?

– Обнять весь мир, – искренно ответил я, еле сдерживая бурлящую внутри молодую радость жизни.

– Отчего все мужчины думают, – грустно сказала дама, – что если мы служим здесь кельнершами, то нам можно делать всякие предложения...

Я заверил ее, что в отношении к ней лично у меня нет никаких агрессивных планов, и заказал телячью котлету и пиво.

– Салату желаете? – осведомилась она таким душераздирающим тоном, будто спрашивала: сейчас меня будете расстреливать или потом?

– О, да! Украсьте салатом мою сиротливую жизнь, – игриво отвечал я, желая немного развлечь ее. – Вы, наверное, беженка?

– Ах, и не говорите. Сейчас принесу пиво, а потом котлету.

Когда она вернулась, я сказал ей:

– Если вам не скучно, посидите со мной, поболтаем.

– Не скучно! А какое, спрашивается, веселье?.. Чему радоваться? Ах, вы знаете – раньше у меня были свои лошади, я приемы делала, а теперь... ботинок не на что купить.

Я отхлебнул пива. Оно показалось мне горьковатым.

– Сестра лежит с ангиной. Хозяева дома, греки, оскорбляют, потому что мы русские...

Я сделал второй плоток. Пиво как будто сделалось еще горче.

– Ничего. Даст бог, все уладится. Опять будем жить хорошо.

– Не верю я. Ни во что не верю. Наверное, скоро все перемрем. Муж в Совдепии остался. Наверное, убили.

Отхлебнул, опустил голову.

Решительно, черт их возьми, пивные заводы стали беззастенчиво прибавлять желчь в пиво.

– А может, муж и жив, – утешил я.

– А если и жив, так с голоду умер.

Я сочувственно покачал головой, отломил поджаренную хрустящую корочку булки и, посолив, положил в рот.

– Гм... Вот белый хлеб, – со стоном заметила кельнерша. – У нас тут его сколько угодно, белого, мягкого, свежего, а там серый, как глина, со щепочками, с половой, со жмыхами. Да если бы такую порцию туда перенести, так хватило бы на четырех человек. Да и рыдали бы, пережевывая.

Все это было совершенно справедливо, но почему деревцо за окном вяло опустило ветки, портрет Венизелоса скривился на сторону, солнечное пятно на стене погасло и прожеванный кусочек хлеба никак не хотел, несмотря на мои судорожные усилия, проскочить в горло... Я облил его плотком пива вкуса хины, мучительно улыбнулся и заметил:

– Но ведь если я сейчас не буду есть этого хлеба, я им этим не помогу?..

– Им уже ничто не поможет. Как мучаются! Как мучаются! От голода распухает лицо и все тело покрывается кровоточащими струпьями...

Она встала и пошла за котлетой.

Котлета оказалась на редкость сочная, в сухариках, с картошечкой, нарезанной такими столбиками.

Я отрезал кус, мазнул горчицей и увенчал кусочком огурца.

– Я читала, что от голода шея начинает пухнуть и гнить. Отчего бы это?

– Не знаю отчего, – угрюмо промолвил я. Мне показалось, что кусочек котлеты на вилке покраснел, распух и в нем что-то зашевелилось...

– Да... Вот вы, например, можете себе позволить здесь удовольствие съесть две или три жареные котлеты, а там даже дров нет, чтобы сварить головку ржавой селедки...

Ах, как все это было справедливо!.. Но котлета покорибилась, съежилась и сделалась вялой, неаппетитной...

– Дайте счет, – со вздохом попросил я.

Она черкнула что-то в книжечке, сардонически улыбаясь:

– Иногда пишешь счет, да как вспомнишь, чем была раньше, как роскошно жила, так слезы и застилают глаза: цифр даже не вижу...

– Прощайте, – пробормотал я.

– Куда ж вы так скоро?

– Пойти на кладбище, что ли, повеситься.

– Да уж теперь это только и остается, – с готовностью одобрила она.

* * *

Вчера снова накатило на меня такое бодрое бурливое настроение. Я шел по улице, чуть не приплясывая, и, наконец, решил:

– Не зайти ли в ресторанчик?.. Только – дудки! В этот уж не пойду. Эта милая девушка снова доведет меня до логической мысли

привязаться веревкой за шею к перилам Галатского моста, да и спрыгнуть вниз...

Поэтому я, насвистывая нечто мелодичное, вошел в другой ресторан и... первое, на что я наткнулся, была та давешняя кельнерша.

– Вы... Здесь? – оторопел я.

– Да... Садитесь. Представьте, мне тот хозяин отказал. Вы, говорит, не умеете обращаться с публикой... А я уж, можно сказать, всякого, как родного, встречаю. Все, что есть на душе, все выложишь. Что будете кушать? А у сестрицы, представьте, кроме ангины еще и дезинтерия... Несчастье за несчастьем... Садитесь! Куда ж вы?!

Русские в Византии

Этот осколок константинопольской жизни мне хочется написать в благородной форме исторического романа – так он красочен...

* * *

Стояло ясное погожее утро лета 1921 года.

Впрочем, нет. Стоял вечер.

Автор начинает с утра только потому, что все русские исторические романы начинаются этой фразой.

А на самом деле стоял вечер, когда произошла завязка правдивого бытового романа.

Граф Безухов, не доложившись, неожиданно вошел в комнату жены и застал последнюю (она же была у него и первая) в объятиях своего друга князя Болконского.

Произошла ужасная сцена.

– Милостивый государь! – вскричал взбешенный муж.

– Милостивый государь?

– Вы знаете, что вами осквернен мой семейный очаг!!

– Здесь дама, прошу вас не возвышать голоса. Орет, сам не знает чего.

Закусив нижнюю губу, бледный граф молча сдернул со своей руки перчатку, сделал два шага по направлению к князю и бросил перчатку прямо в лицо врагу.

– Надеюсь, вы понимаете, что это значит?! – угрюмо сказал он.

– Готов к услугам, – холодно поклонился князь Болконский.

– Мои секунданты будут у вас в 10 часов утра.

– Хоть в 9, – с достоинством ответил князь, отыскивая свою шляпу.

* * *

По соглашению сторон поединок решен был на завтра, на дуэльных пистолетах.

Выработав все условия и подробности, секундант графа, полковник Н., спросил у княжеского секунданта, гусарского корнета Ростова:

– Теперь – последний вопрос: у вашего доверителя есть дуэльные пистолеты?

– Никаких нет.

– А у вас?

– Откуда, голубчик? Я из Севастополя эвакуировался с маленьким ручным чемоданчиком... До дуэльных ли тут пистолетов!

– И у моего нету. Что ж теперь делать? Нельзя ли у кого-нибудь попросить на время? Например, у барона Берга?..

– Нашли у кого просить! Барон на Пере «тещиными языками» торгует с лотка – неужели, вы думаете, у него удержится такая ценная штука, как ящик с дуэльными пистолетами. Загнал!

Огорченные, разошлись секунданты по своим доверителям:

– Ну что? – нетерпеливо спросил бледный, с горящими глазами граф Безухов. – Все готово? Когда?

– Черта с два готово! Пистолетов нет.

– Вот тебе раз! У барона Берга нет ли?

– «Тещины языки» есть у барона Берга. Не будете же вы драться «тещиными языками»!

– Может, в магазине можно купить? Если недорого...

– Ваше сиятельство, что вы! В константинопольском магазине?! Дуэльные пистолеты? Да на кой же шут их будут держать? Для греков, торгующих маслинами и халвой?.. Нашли тоже Онегиных!.. Они больше норовят друг друга по шее съездить или – еще проще – обчистить на «пенды-грош», а не дуэль! Заверяю вас, что среди местных греков нет ни Ленских, ни Печориных...

– Гм! Дьявольски глупо... Не отказываться же из-за этого от дуэли!

– Впрочем, попытаюсь пойти еще в одно место: в комиссионный магазин «Окказион» – не найду ли там?..

- Здравствуйте. Чем могу служить?
- У вас есть дуэльные пистолеты?
- Помилуйте, все есть! Ковры, картины, бриллианты, курительные трубки...
- Ну на кой мне черт курительная трубка. Из нее не выстрелишь.
- Пардон, стреляться хотите? Дуэль?
- Не я. Я по доверенности.
- Ага. Так, так. Присядьте! Ну, желаю удачи. А пистолетики найдутся. Вам пару?
- Не четыре же! Это не кадриль танцевать.
- Нет, я в том смысле спросил, что, может, одним обойдетесь.
- Что вы за чушь городите! Какая же это дуэль с одним пистолетом?!
- А почему же? Сначала первое лицо стреляет, потом, ежели не попал, передает партнеру, тот стреляет, и так далее. Экономически-с.
- Подите вы! Сколько стоит пара?
- Для вас? Двести лир.
- Вы с ума сошли! Они и шестидесяти не стоят!
- Не могу-с. А пистолеты такие, что поставьте в затылок пятерых – пятерых насквозь пронижет.
- Ну, вот! Что ж мы для вашего удовольствия еще четыре пары дуэлянтов подбирать будем? Уступите за сто.
- И разговору такого нет.

* * *

- Ну что?!
- Черт его знает – с ума сошел человек! Он, может, из человеколюбия, но нельзя же драть двести лир за пару! Скажите, сколько вы ассигнуете?
- Мм... Могу отдать все, что имею – сорок лир.
- Впрочем, с какой стати вы сами будете нести все расходы. Вот еще! Пусть противник принимает на себя половину!
- Послушайте! Удобно ли обращаться... по такому поводу!
- В Константинополе все удобно! Я с него и за доктора половину сдеру!..

Колесо завертелось.

Полковник Н. пошел к корнету Ростову и потребовал, чтобы его доверитель, князь Болконский, заплатил свою долю за пистолеты – 40 лир; корнет пошел к князю – у князя нашлось только 25 лир; корнет отправился к полковнику, но полковник нашел, что шансы не равны, и предложил взять доктора – на счет князя; потом оба пошли в комиссионный магазин и стали торговаться...

Хозяин уступал за полтораста (без зарядов); секунданты давали 60 с зарядами; не сойдясь, оба разошлись по своим доверителям за инструкциями; граф предложил полковнику Н. взять пистолеты напрокат; полковник отправился к корнету Ростову; оба отправились в комиссионный магазин; хозяин согласился напрокат, но просил залог в полтораста лир; оба снова разошлись по доверителям; один из доверителей (граф) согласился дать в залог брошку жены (100 л.) с тем, чтобы князь Болконский доплатил остальное; корнет Ростов отправился к князю, но у князя оказалось всего-навсего 15 лир; граф передал через своего секунданта, что князь саботирует дуэль, а князь ответил через своего секунданта, что бедность не саботаж и что он если и задолжает графу за пистолеты, то впоследствии, когда будут деньги, отдаст; граф чуть было не согласился, но жена его возмутилась: «С какой стати, – говорила она, – раз шансы не равны: если он тебя убьет, он этим самым освобождается от долга, а если ты его убьешь – ты с него ничего не получишь... Я вовсе не желаю терять на вашей дурацкой дуэли!»; граф возразил, что это не дурацкое, а дело чести; графиня ответила в том смысле, что, дескать, какая честь, когда нечего есть; из комиссионного магазина пришел мальчик и простодушно спросил: «А что теи господа будут стрелять друг у друга или отдумали, потому как, может, найдутся другие покупатели – так отдавать или как?» Граф послал его к князю Болконскому, графиня послала его к черту, а он вместо этого раскрыл зонтик от дождя и побежал домой.

Наступала осень.

О, Ленские, Печорины, Онегины и Грушницкие! Вам-то небось хорошо было выдерживать свой стиль и благородство, когда и пистолеты под рукой, и камердинеры собственные, и экипажи, и верховые лошади... «Дуэль? Пожалуйста! Такое-то место, такой-то час, деремся на пистолетах»... А попробуйте, милостивый государь господин Ленский, пошататься по «оказионам», да поторговаться до седьмого поту, да войти в сношения с Онегиным на предмет взятия на себя части расходов, да получить от Онегина отказ, потому что у него «юс-пара» в кармане... Так тогда – не «умру ли я, стрелой пронзенный» запоете, а совсем из другой оперы:

Помереть не померла,
Только время провела.

* * *

Бедные мы сделались, бедные...
И прилично ухлопать-то друг друга не имеем возможности!

Аргонавты и золотое руно

С тех пор как осенью 1920 года пароход покинул берега Крыма, и до самого Константинополя они так и ходили нераздельно вместе – впереди толстый, рыжебородый со сложенными на груди руками, за ним, немного сзади, двое: худощавый брюнет с усиками и седенький, маленький. Этот вечный треугольник углом вперед напоминал стаю летящих журавлей.

Только один раз я увидел их не в комбинации треугольника: они дружно выстроились у борта парохода, облокотясь о перила, и поплевывали в тихую воду Черного моря с таким усердием, будто кто-нибудь дал им поручение – так или иначе, а повысить уровень черноморской воды.

Я подошел и бесцельно облокотился рядом.

– Ну что, юноша, – обратился вдруг ко мне седенький. – Как делишки?

– Ничего себе, юноша, – приветливо ответил я. – Дрянь делишки.

– Что думаете делать в Константинополе?

– А черт его знает. Что придется.

– Так нельзя, – наставительно отозвался черноусый мужчина. – Надо заранее выработать план действий, чтобы не очутиться на константинопольском берегу растерянным дураком. Вот мы выработали себе по плану – и спокойны!

– Прекрасное правило, – пришел я в искреннее восхищение. – Какие же ваши планы?

Седенький одарил морскую гладь искусным полновесным плевком и, поглядывая на удалявшиеся с глаз плоды губ своих, процедил сквозь энергично сжатые губы:

– Газету буду издавать.

– Ого! Где?

– Что значит – где? В Константинополе. Я думаю сразу ахнуть и утреннюю, и вечернюю. Чтобы захватить рынок. Вообще, Константинополь – золотое дно.

– Дно-то дно, – с некоторым сомнением согласился я. – Только золотое ли?

– Будьте покойны, – вмешался черноусый. – На этом дне лежат золотые россыпи, только нужно уметь их раскопать. Впрочем, мои планы скромнее.

И две стороны треугольника сейчас же поддержали третью:

– Да, его планы скромнее.

– Журнал будете издавать? – попытался догадаться я.

– Ну что там ваш журнал! Чепуха. Нет, мне пришла в голову свежая мыслишка. Только вы никому из других пассажиров не сообщайте. Узнают – сразу перехватят.

Я твердо поклялся, что унесу эту тайну с собой в могилу.

– Так знайте: я решил открыть в Константинополе русский ресторан.

– Гм... Я, правда, никогда до сих пор не бывал в Константинополе, но... мне кажется, что... там уже в этом направлении кое-что сделано.

– Черта с два сделано! Разве эти головотяпы сумеют? Нет, у меня все будет особенное: оркестр из живых венгерцев, метрдотель – типичный француз, швейцар – швейцарец с алебардой, а вся прислуга – негры!

– И вы всю эту штуку назовете русским рестораном?

– Почему бы и нет? Кухня-то ведь русская! Щи буду закатывать, кулебяки загибать, жареных поросят зашпаривать. На всю Турцию звон сделаю.

– Но ведь для этого дела нужны большие деньги!

– Я знаю! Тысяч десять лир. Но это самое легкое. Найду какого-нибудь богатого дурака-грека – в компании с ним и обтяпаем.

Молчавший доселе бородач вдруг захохотал, одарил морскую гладь сложнейшим плевком с прихотливой завитушкой и дружески ударил меня по плечу.

– Нет, это все скучная материя – дела, расчеты, выкладки. Вот у меня план так план! Знаете, что я буду там делать?

– А бог вас знает.

– То-то и оно. Ничего не буду делать. Сложу руки буду сидеть. Валюту везу. Ловко, а!

– Замечательно.

– Да-а. Узнает теперь этот Константинополишка Никанора Сырцова! Ей-бо, право! Палец о палец не ударю. Сложу руки и буду

сидеть. Поработали, и буде. Ежели встречу там где – шампанеей до краев налью. Да просто заходи в лучший готель и спроси Никанора Сырцова – там я буду! А може, я в Васькиной газете публиковаться буду: «Такой-то Никанор Гаврилов Сырцов разыскивает родных и знакомых на предмет выпивки с соответствующей закуской». А в кабак мы с тобой будем ходить только в Петькин: пусть нам там негры и венгерцы дурака ломают. Поддержим приятеля, хе-хе! Хай живе Украина!

Журавлиный треугольник отделился от перил, взмахнул крыльями и плавно понесся в трюм на предмет насыщения своих пернатых желудков.

* * *

Пока все беженство кое-как утряслось, пока я лично устраивался – никто из журавлиного треугольника не попадался мне на глаза.

Но однажды, когда я скромно ужинал в уголку шумного ресторана, ко мне подлетел головной журавль – Никанор Сырцов.

– Друг! – завопил он. – Говорил, шампанеей налью – и налью. Пойдем до кабинету. Какие цыгане – пальчики оближешь. Как зальются – так или на отцовскую могилу хочется бежать, или кому-нибудь по портрету заехать. Благороднейшие люди.

Он сцепился со мной на абордаж, после долгой битвы победил меня и, взяв на буксир, отшвартовался «до кабинету», который оказался холодной дымной накуренной комнатой, наполненной людьми. В руках у них были гитары, на плечах линялые кунтуши, на лицах – скука непроходимая.

– Эй, брат! – воскликнул Сырцов, становясь в позу. – Люблю я тебя, а за что, и сам не знаю. Хороший человек, чтоб ты сдох! Веришь совести – вторую тысячу пропиваю!.. А ну вы, конокрады, ушкварьте «Две гитары за стеной!».

Пел Сырцов, рыдал Сырцов в промежутках и снова плясал Сырцов, оделяя всех алчущих и жаждущих бокалами шампанского и лирами.

– Во, брат, – кричал он, путаясь неверными ногами в странном танце. – Это я называю жить сложа руки! Вот она, брат, и есть

настоящая жизнь! Ой, жги, жги, жги!..

Последний призыв Никанора цыгане принимали вяло и вместо поджога только хлопали бокал за бокалом, зевая, перемигиваясь и переталкиваясь локтями. Впрочем, и сам Сырцов не мог точно указать, какой предмет обречен им на сжигание.

– Постой, – попытался я остановить пляшущего Никанора. – Расскажи мне лучше, что подельывают твои приятели? Открыли ресторан? Издают газету?..

– А черт их знает. Я восьмой день дома не был – так что мне газета! На нос мне ее, что ли?

* * *

Шел я однажды вечером по Пти-Шан. Около знаменитого ресторана «Георгия Карпыча» раздался нечеловеческий вопль:

– Интер-ресная газета «Пресс дю Суар!». Купите, господин!

Я пригляделся: вопил издатель из журавлиного треугольника.

Очевидно, вся его издательская деятельность ограничилась тем, что он издавал вопли, с головой уйдя в несложное газетное дело сбыта свежих номеров.

– Что же это вы чужую газету продаете, – участливо спросил я. – А своя где?

– Дело этого... налаживается, – нерешительно промямлил он. – Еще месяц, два и этого... С разрешением дьявольски трудно!..

– А что ваш приятель? Как его дело с рестораном?

– Пожалуйста! Тут за углом, второй дом, вывеска. Навестите, он будет рад.

«Слава богу, – подумал я, идя по указанному адресу, – хоть один устроился!..»

Этот последний, действительно, увидев меня, обрадовался.

Подошел к моему столику, обмахнул его салфеткой, вынул из кармана карточку и сказал:

– Вот приятная встреча! Что прикажете? Водочки с закусточкой, горячего или просто чашку кофе?

– Вы что тут, в компании? Нашли дурака-грека с деньгами?

– Нет, собственно, он нашел меня, дурака. Или, вернее, я его, конечно, нашел, ну так вот... Гм!.. Пока служу. У него, впрочем, действительно есть большие деньги. Я только... этого. Не заинтересован.

– А венгерцев и негров нет?

Он отвернулся к окну и стал салфеткой протирать заплаканное стекло.

– И швейцар ваш без алебардов, безоружный, в опорках...

– Шутить изволите. Может, винца прикажете? Хорошее есть.

Еще месяц с грохотом пронесся над нашими головами.

Проходя мимо греческого пустынного ресторанчика, я иногда видел дремлющего у стены с салфеткой под мышкой смелого инициатора дела, построенного на венгерцах, неграх, швейцарцах и алебардах.

И по-прежнему издатель на углу яркой улицы издавал стоны:

– «Пресс дю Суар!»

Вчера, остановившись и покупая газету, я спросил простодушно:

– А что же ваша собственная газета?

– Наверное, скоро разрешится.

– Ну а что ваш приятель Никанор Сырцов? По-прежнему сидит сложа руки?

– Сложато-то сложато... Только не сидит, а лежит. От голодного тифа или что-то вроде – помер. Все деньги на цыган да на глупости разные проухал! У меня, в конце концов, по пяти пиастров перехватывал! Да мне тоже, знаете, взять их неоткуда. Вот тебе и «сложато руки»! Много их, таких дураков.

И когда он говорил это – у него было каменное неподвижное лицо, как у старых боксеров, которых другие боксеры лупили по щекам огромными каменными кулачищами, отчего лицо делается навсегда непробиваемым.

Жестокий это боксер – Константинополь! Каменеет лицо от его ударов.

Развороченный муравейник

Разговор в беженском общежитии:

– Здравствуйте... Я к вам на минутку. У вас есть карта Российской империи?

– Вот она. На стенке.

– Ага! Спасибо. А почему она вся флажками покрыта? Гм! Для линии фронта – флажки, кажись, слишком неряшливо разбросаны...

– Родственники.

– Ага! Родственники это сделали?

– Какие родственники! Я это сделал.

– Родственникам это сделали? Для забавы?..

– К черту забаву! Для собственного руководства сделал.

– В назидание родственникам?

– Плевать хочу на назидание!

– А при чем же родственники?

– Выдерните флажок из Екатеринослава! Ну? Что там написано?

– «Алеша» написано.

– Так. Брат. Застрял в Екатеринославе.

– Позвольте... А где же ваша вся семья?

– А вот следите по карте... Отправной пункт – Петербург – застряла больная сестра. Служит в Продкоме, несчастная. «Москва» – потеряли при проезде дядю. Что на флажке написано?

– Написано: «Дядя».

– Правильно написано. Дальше – «Курск»: арестована жена за провоз якобы запрещенных 2 фунтов колбасы. Разлучили, повели куда-то. Успел вскочить в поезд, потому что там оставались дети. Теперь – ищите детей... Станция Григорьевка – Люся... Есть Люся? Так. Потерялась в давке. Еду с Кокой. Станция Орехово. Нападение махновцев, снова давка – Коку толпа выносит на перрон вместе с выломанной дверью. Три дня искал Коку. Пропал Кока. Какой флаг на Орехове?

– Есть флаг: «Кока на выломанной двери».

– Правильный флаг. Теперь семья брата Сергея... Отправной пункт бегства – Псков. Рассыпались кистью, вроде разрыва шрапнели.

Псков – безногий паралитик дедушка, Матвеевка – Грися и Сеня. Добронравовка – свояченица, Двинск – тетя Мотя, сам Сергей – Ковно, его племянник где-то между Минском и Шавлями – я так и флажок воткнул в нейтральную зону... Теперь – гроздь флажков в ростовском направлении – семья дяди Володи, тонкая линия с перерывами на сибирское направление – семья сестры Лики!.. Пук флажков по течению Волги... Впрочем, что это я все о своих да о своих... Прямо невежливо! Вы лучше расскажите – как ваша семья поживает?

– Да что ж рассказывать... Они, кроме меня, все вместе – все 9 человек.

– Ну слава богу, что вместе.

– Вы думаете? Они на Новодевичьем кладбище в Москве рядышком лежат...

Трагедия русского писателя

Меня часто спрашивают:

– Простодушный! Почему вы торчите в Константинополе?

Почему не уезжаете в Париж?

– Боюсь, – робко шепчу я.

– Вот чудак... Чего ж вы боитесь?

– Я писатель. И поэтому боюсь оторваться от родной территории, боюсь потерять связь с родным языком.

– Эва! Да какая же это родная территория – Константинополь.

– Помилуйте – никакой разницы. Проходишь мимо автомобиля – шофер кричит: «Пожалуйста, господин!» Цветы тебе предлагают: «Не купите ли цветочков? Дюже ароматные!» Рядом: «Пончики замечательные!» В ресторан зашел – со швейцаром о Достоевском поговорил, в шантан пойдешь – слышишь:

– Матреха, брось свои замашки, скорей тангу со мной пляши...

Подлинная черноземная Россия!

– Так вы думаете, что в Париже разучитесь писать по-русски?

– Тому есть примеры, – печально улыбнулся я.

– А именно?..

Не отнекиваясь, не ломаясь, я тут же рассказал одну известную мне грустную историю —

О русском писателе

Русский пароход покидал крымские берега, отплывая за границу.

Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил:

– Прощай, моя бедная истерзанная родина! Временно я покидаю тебя. Уже на горизонте маячит Эйфелева башня, Нотр-Дам, Итальянский бульвар, но еще не скрылась с глаз моих ты, моя старая добрая, так любимая мною Россия! И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, буду помнить «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой! На всю жизнь врежешься ты в мозг мне – моя смешная, нелепая и бесконечно любимая Россия!

Жена стояла тут же; слушала эти писательские слова – и плакала.

* * *

Прошел год.

У русского писателя была уже квартира на бульваре Гренель и служба на улице Марбеф, многие шоферы такси уже кивали ему головой, как старому знакомому, уже у него было свое излюбленное кафе на улице Пигаль и кабачок на улице Сен-Мишель, где он облюбовал рагу из кролика и совсем недурное «ординэр»...

Пришел он однажды домой после кролика, после «ординэра», сел за письменный стол, подумал и, потрянув головой, решил написать рассказ о своей дорогой родине.

– Что ты хочешь делать? – спросила жена.

– Хочу рассказ написать.

– О чем?

– О России.

– О че-ем?!

– Господи боже ты мой! Глухая ты, что ли? О России!!!

– Calmez-vous, je vous en prie^[8]. Что ж ты можешь писать о России?

– Мало ли! Начну так: «Шел унылый, скучный дождь, который только и может идти в Петербурге... Высокий молодой человек быстро шагал по пустынной в это время дня Дерибасовской...»

– Постой! Разве такая улица есть в Петербурге?

– А черт его знает. Знакомое словцо. Впрочем, поставлю для верности – Невскую улицу! Итак: «...Высокий молодой человек шагал по Невской улице, свернул на Конюшенную и вошел, потирая руки, к «Медведю». – «Что, холодно, monsieur?» – спросил метрдотель, подавая карточку. – «Mais oui^[9], – возразил молодой сей господин. – Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм!»

– Послушай, – робко перебила жена. – Разве есть такое слово «замерзавец»?

– Ну да! Человек, который быстро замерзает, – суть замерзавец. Пишу дальше: «Прошу вас очень, – сказал тот молодой господин. – Подайте мне один застегай с немножечком poisson bien frais^[10] и одну рюмку рабиновку».

– Что это такое – рабиновка?

– Это такое... du водка.

– А по-моему, это еврейская фамилия: Рабиновка – жена Рабиновича.

– Ты так думаешь?.. Гм! Как, однако, трудно писать по-русски! – И принялся грызть перо. Грыз до утра.

* * *

И еще год пронесся над писателем и его женой.

Писатель пополнел, округлел, завел свой авто – вообще, та вечерняя газета, где он вел парижскую хронику, щедро оплачивала его – «сет селебр рюсс»^[11].

Однажды он возвращался вечером из ресторана, где оркестр ни с того ни с сего сыграл «Боже, царя храни»... Знакомая мелодия навеяла целый рой мыслей о России...

«О, нотр повр Рюсси!^[12] – печально думал он. – Когда я приходить домой, я что-нибудь будить писать о наша славненькая матучка Россия».

Пришел. Сел. Написал:

«Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржъен!^[13] Один молодой господин ходил по одна улица, по имени сей улица: Крещиатик. Ему очень хотелось manger. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в restaurant, где скажишь: garçon, une tasse de^[14] рабинович и одна застегайчик avec^[15] тарелочка с ухами...»

* * *

Я кончил.

Мой собеседник сидел, совсем раздавленный этой тяжелой историей.

Оборванный господин в красной феске подошел к нам и хрипло сказал:

– А что, ребятажь, нет ли у кого прикурить цыгарки!

– Да, – ухмыльнулся мой собеседник. – Трудно вам уехать из русского города!

Язык богов

Маленькая грязная комнатка, с гримасой бешенства сдаваемая маленькой грязной гречанкой одному моему безработному знакомому.

Он слишком горд, чтобы признать отчаянное положение своих дел, но, зайдя к нему сегодня, я сразу увидел все признаки: вымытую собственными руками рубашку, сушившуюся на портрете Венизелоса, тарелку, на которой лежал огрызок ужасающей жареной печенки с обломком семита – отложенные в качестве ужина, грязная закопченная керосинка с какой-то застывшей размазней в кастрюле.

Обитатель комнаты так углубился в чтение книги, что даже не заметил моего появления...

– Что ты сидишь, как сыч, нос в книгу уткнул. Захлопывай книгу, пойдем по взморью на лодке кататься. Погода изумительная!

Поднял он от книги тяжелую голову, поглядел на меня ничего не видящими глазами – опять уставил их в книгу.

– Ну что же ты?

– Сегодня не могу, книжку читаю.

– Подумаешь, важность – книжка! Что это: откровение великого мыслителя, что ли?

– Подымай выше! Видишь, не могу оторваться.

– Поэма Эдгара По?

– Убирайся ты со своим По!

– Бешеная фантазия Гастона Леру?

– Откровенно говоря, я не знаю, как эта книга и называется: первые несколько листов оторваны. Знакомый газетчик дал.

– Да с чего же начинается?

– А вот послушай: «...вообще, на рынках и в лавках купить хороших, сытых, т. е. откормленных, цыплят – большая редкость. Ежели хотите иметь хороших цыплят, то, купив их живыми, следует покормить недельки две дома гречневой крупой, заваренной кипящим молоком, и содержать всех в тесном месте, чтобы цыплята не бегали. Но ежели хотите побаловать себя цыплятами на славу (тут голос моего приятеля дрогнул от волнения), то покормите их вареным на молоке рисом! Цыплята будут объедение: белое, нежное, тающее во

рту мясо, с косточками, как хрящики. Правда, такое кормление молочным рисом обходится немало – рубля 3 – 4».

Я проглотил слюну и нетерпеливо воскликнул:

– Постой! Да ведь это простая поваренная книга!!

– Простая?! Нет, брат, не простая! Послушай-ка: «Главный подвоз рябчиков – вологодских и астраханских – начинается с установившегося зимнего пути. Лучшие сибирские рябчики – кедровики, то есть питающиеся кедровыми орехами. Когда выбираете дичь – она должна быть чиста, чтоб дробинки, так сказать, нигде не было видно. Это тем особенно важно, что тогда, во время жаренья жирной птицы, сало и сок из ее ранок не вытекают, отчего она не высохнет и не потеряет во вкусе. Хороший рябчик должен быть: бел, сыт, т. е. мясист. Аромат его – приятно-смолянистый».

– Ну так едем, что ли?

Я внутренне лукаво улыбнулся и добавил:

– Марья Григорьевна тоже едет.

– Марья Григорьевна? Ага. А ты вот это послушай: «Бывают случаи, что люди самые опытные ошибаются в выборе рыбы – да еще как ошибаются-то! Плавают, например, в садке или окаренке две стерляди; рост у них, правильнее – мера, – одинаковая, обе толстые, брюшко у обеих желтое, обе без икры, яловые, что вкуснее. Вы просите подрезать рыб снизу, к наростику, т. е. к хвосту. Подрезать обеих: и обе, как желток, жир – червонное золото. Чего еще требовать? Как еще пробовать? Между тем за столом оказывается, что одна из стерлядей вкусом удивительная, нежная, тает во рту, другая – так себе, грубая, дряблая, темновата, да и жиру в ней оказывается мало – весь он остался в рассоле, в котором варили стерлядь, и потемнела-то она во время варки. Отчего? Оттого, что стерлядь эта другой воды: первая из Оки, вторая – волжская!!»

– Н-да, – задумчиво сказал я, машинально плотая слюну. – Дела!

– Вот видишь! А ты знаешь, как телят поят?

– Подумаешь, важность; дадут ему воды – он и пьет.

– Ха-ха-ха! Слушай. «Еще не так важно отпоить теленка, как важно выбрать его для отпоя, в чем, главное, и заключается секрет троицких телятников. Именно: выбирайте для отпоя теленка на низких, а не на высоких бабках, смотрите, чтоб у него были белы белки и губы, изнутри, когда их подвернете. Теленок, выбранный для

отпоя, не должен делать большого движения, для чего его ставят в тесное стойло, где бы он мог только повернуться, лечь и встать, но отнюдь не скакать и играть; подстилки не должно класться никакой: одна соломина, которую теленок будет жевать, испортит все дело. В стойле должно быть сухо, для чего пол делают наклонным, с дырками, чистым. Ежели в молоко будет подлита хоть капля воды или подбавлена мука – телятина будет непременно красна и груба. Менее как в четыре-пять недель порядочно отпоить теленка нельзя; но поят очень хороших по три, даже по четыре месяца. Конечно, таким телятам молока от одной коровы недостаточно, и поят их от двух, трех, пяти и более коров».

– Что ты хочешь этим сказать? – угрюмо спросил я.

– Ничего! – отвечал он торжествуяще.

– А Марья Григорьевна тебя два раза спрашивала; она сегодня особенно интересна. И понимаешь – на блузке совсем прозрачные рукава... А руки! Белые, пухленькие, с ямочками на локтях. Грудь...

– А это: «К масленице зернистую икру подвозят в столицы и даже почти во все города нашего отечества в огромном количестве. К сожалению любителей, хорошая зернистая икра всегда в цене (4 1/2 руб. фунт); достоинства зернистой икры следующие: малая соль, разбористость, т. е. зерно должно быть цело, не смято и отделяться одно от другого свободно, раскатываться в дробь. Белужья икра крупнее и беловатее, осетровая – мельче и с желтизной, но трудно сказать, которая лучше. Лучшая зернистая икра – багреная, т. е. та, которая вынута из рыбы, пойманной на воле багром, а не садковая, т. е. вынутая из рыбы, сидевшей уже в садках, из потомленной рыбы». Ха-ха! Понимаешь, как люди раньше жили? Икру из томленной рыбы он не лопал!..

– Послушай: замечательная погода. Море тихое, а? Поедем... Сейчас полная луна, с берега доносится музыка, волны тихо шелестят о борта лодки... Марья Григорьевна смотрит на тебя загадочным мерцающим взглядом. Стройная подъемистая ножка шаловливо выпяливается из-под края шумящей юбки...

– А это?! «Макароны Монглас. В приготовленные и вымешанные с маслом макароны положить тертый пармезан пополам с швейцарским сыром, филеи из кур, нарезанные ломтиками, гусиные печенки, трюфели и шампиньоны, предварительно обжарив их в

масле. Потом прибавить ложку белого соуса, размешать, подавать при консоме...» А? какво?

– Не спорю, – вздохнул я. – Макароны Монгяс – очень вкусная штука. Да, кстати, о Марье Григорьевне. За ней в последнее время усиленно прихлестывает Пузыренко... Если ты не поедешь – он тоже увяжется в лодку...

– Меня не это удивляет, – рассеянно возразил приятель. – Меня удивляет «Гарнир Массена». Полюбуйся-ка: «Снять с дроздов филеи, подрезать верхнюю плеву, подсолить, изжарить. Очистить свежие каштаны и, обжарив немного в сливочном масле, налить бульоном, сварить до мягкости; приготовить на двух яйцах лапшу, сварить в соленом кипятке, откинуть на решето. Когда все будет готово, сложить лапшу на растопленное масло в кастрюле, размешать, выложить на блюдо, сверх лапши уложить филеи, а середину наполнить сваренными каштанами...»

– Ей-богу, – моляще простонал я, – я дроздов не люблю. Другое дело перепелки... И Марья Григорьевна их очень любит. Знаешь, когда она ест своими беленькими зубками...

– Перепелки, говоришь? Изволь! «Гарнир Шомель. Снять филеи с 6-ти перепелок и, подрезав верхнюю кожицу, сложить на вымазанную маслом глубокую сковородку и обжарить. Выпустить в кастрюлю 10 желтков яиц, развести выкипяченным соком из перепелов, посолить, процедить, разлить в намазанные маслом формочки и сварить на пару. Нафаршировать овальные гренки фаршем из дичи № 17...»

– Постой, постой! А как делается № 17?..

– Сейчас посмотрим...

Было 2 часа ночи.

Луна, освещавшая где-то далеко на тихом взморье Марью Григорьевну и Пузыренко, заглядывала и к нам в окно. Так как мой приятель устал читать – его заменил я. Наклонившись над книгой, читал я внятно и со вкусом:

– «Артишоки, фаршированные другим манером. Приготовить артишоки, обдать их кипятком, а потом выбрать на салфетку. Приготовить фарш № 27, прибавить шампиньонов, рубленого трюфеля, рубленой зелени, раковых шеек...»

Смаковали до утра.

Что ни говори, а бедному русскому в Константинополе удастся иногда попить по-царски.

Дела

На далеких кофейных плантациях под лучами жгучего беспощадного солнца тысячи полуобнаженных людей работают, добывая миллиарды зерен кофе.

Потом этот кофе грузится на корабли.

Корабли бороздят неизмеримые пространства морей и океанов.

Потом в Константинополе тюки кофе выгружаются.

Потом его мелют.

Потом жарят.

Потом приносят в кафе.

Варят; подают посетителям, которые делают дела только за чашкой кофе.

Потом из этих дел ни черта не выходит.

И прямо-таки больно мне: стоит ли тысячам полуобнаженных людей жариться под раскаленным солнцем, пароходам – плыть, рабочим – выгружать, кому-то молотить, жарить, варить, чтобы в результате ни из одного дела, решенного за чашкой кофе, – ничего не вышло.

* * *

Вот те нижеследующие элементы, из которых слагается каждое константинопольское дело: одному человеку приходит в голову деловая мысль; он сообщает ее посреднику; при этом в кафе пьют кофе; очарованный деловой мыслью посредник мчится к капиталисту; пьют кофе; капиталист тоже приходит в восторг от замечательной деловой идеи. Сходятся, наконец, все трое, дуют кофе изо всех чашек, которые только видны в окрестности. Торжественные клятвы положить все дни своей оставшейся жизни, все соки своего ума – на проведение замечательного дела. Расходятся.

Через три дня:

Капиталист (посреднику):

– Видите ли... Я, к сожалению, не могу внести деньги на это дело, потому что аргентинская шерсть упала по сравнению с бразильским зерном. Понимаете?

Посредник:

– Я вас понимаю. (Он ничего не понимает.) Мне самому, впрочем, сейчас не до этого дела: устраиваю метрополитен под Босфором!

Посредник (встречается с автором идеи):

– А знаете, что наш капиталистика закинулся?

– Я чувствовал это с самого начала.

– У меня, впрочем, есть другой на примете. Если хотите...

– Нет, спасибо. Я уже без вас нашел кое-что, очень подходящее...

– Да? Ну и слава богу. Я бы все равно не мог заняться этим делом.

Открываю воздушный ресторан на привязном шаре. Чудная мысль! Вот только бы капиталиста найти.

– Гм! Капиталиста? – призадумывается автор предыдущей идеи. – У меня, кажется, есть для вас кое-что подходящее.

И, о чудо! Прежнее дело безболезненно и легко забыто, инициатор предыдущего дела превратился в посредника настоящего дела, а посредник предыдущего, наоборот, – в инициатора.

Капиталист отыскивается моментально!

И снова: на кофейных плантациях кипит работа, собирают, грузят, везут, выгружают, жарят, мелют, варят – для чего? Только для того, чтобы три деловых человека поговорили, выработали проект договора, поклялись бодро идти нога в ногу по избранному деловому пути до конца своей жизни – и разошлись в разные стороны, не моргнув бровью.

* * *

Никогда не предлагайте константинопольцу верных дел – они не для него.

От дела, могущего принести 50 процентов пользы, он брезгливо отвернется.

Но в воздушный ресторан на привязном шаре он ринется с головой, с руками и ногами; но на оригинальный симфонический

оркестр, составленный исключительно из гермафродитов, он убухает все денежки...

Никогда не пытайтесь убедить его минимальными цифрами затрат; боже вас сохрани прельщать его скромной, дешевой сметой расходов.

Звоните, бухайте, сверкайте, дерите – тогда он, замороженный, как кролик змеиной головой, сам бросится вам в пасть.

– Помилуйте, наша прачечная, которую я предлагаю вам открыть, будет лучшая в городе! Десять паровых машин по сорок атмосфер, двести восемьдесят прачек, 102 гладильщицы – все красавицы как на подбор! Конечно, свой мыльный завод и небольшой участок для посева картофеля – собственный крахмал будем делать. Восемь грузовичков будут развозить белье по всей периферии города, электрическая станция, тройная испанская бухгалтерия!! Дзинь, бум, трах-та-ра-рах!

* * *

Перед своим отъездом в Чехословакию я подвел и погубил целую массу константинопольских деловых людей. Простодушный, но крепкий, как медная ступка, я получил заманчивое предложение от одного капиталиста открыть в Берлине прекрасное предприятие.

Я еще не выпил и дюжины чашек кофе, как работа у меня закипела: я привлек других капиталистов, снял с места служилых людей, организовал, устроил, но... все были мной погублены, кроме первого капиталиста; он по-прежнему безмятежно пьет свой кофе, а они:

1. Отказались от места.
2. Продали свои громоздкие вещи.
3. Перевели свои деньги на германские марки.

Они именно сделали это потому, что я крепкий и устойчивый, как медная ступка. Такой человек не подведет.

Не будь меня, они бы мирно сошлись, мирно поглотили два-три литра кофе и мирно разошлись по своим делам.

Но... нельзя упаковывать медную ступку в один ящик с хрупким богемским хрусталем; своей солидностью я их передал, стер в порошок: места они потеряли, марки их упали, проданные вещи они прожили – в живых осталась только медная ступка да первый капиталист, который – скажи я ему, какая произошла из-за него суматоха, – только широко открыл бы глаза: вольно им, дуракам, было верить.

– Да ведь, позвольте! Сколько кофе было выпито, клялись идти об руку и, как говорилось в древности, – «на том крест целовали»!

– Что поделаешь – кофейное дело!

* * *

Эти каналы – эти полуголые негры на кофейных плантациях: сколько они хорошего народу подводят!

Заключение

Снова перечитал я свои «Записки Простодушного» и, сидя сейчас за письменным столом, призадумался...

Точно ли я теперь такой «Простодушный», каким был тогда, когда ясным ликующим взором оглядывая пеструю Галату, высаживался на константинопольский берег в полной уверенности, что ожесточенная борьба хамалов из-за моих вещей – результат радости при встрече восточных поклонников с русским писателем. Точно ли я таков теперь, каким был тогда?..

О, нет. Гляжу я искоса в зеркало, висящее в простенке, – и нет больше простодушия в выражении лица моего...

Как будто появилось что-то себе на уме, что-то хитрое, что-то как будто даже жестокое.

А может быть, эти резкие складки около губ – результат дорого приобретенной мудрости?

Во всяком случае – умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного.

Целый ряд лет еще промелькнет перед нами... Но все эти годы уже будут обвеяны мудростью, хитростью и, может быть, – жестокостью.

Выковали из нас – благодушных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие.

notes

Примечания

1

От *фр.*: *Combien cette gateau?* (Сколько стоит это пирожное?),
турецк.: *bes* (пять), англ.: *All right* (хорошо), итал.: *arrivederci* (до свидания).

2

Как я могу пройти к русскому посольству? (*фр.* Comme je pouvais aller dans l'ambassade russe?) – Сейчас. Идите все время налево, налево, потом еще налево и здесь... (*фр.* Tout de suite. Vous aller tout a gauche, a gauche. Après encore gauche, et ici...).

3

Я понимаю (*фр.* Je comprend).

4

Хорошо (фр. bien).

5

От англ. *stupid* и фр. *sot* – дурак, болван, глупец.

6

Это ужасно! (фр. C'est affreux).

7

Официант, бутылку кордон вэр'а и потом что-нибудь жареный миндаль. Побыстрее поворачивайся! (Смесь русского и ломаного фр.)

8

Уймитесь, прошу вас (фр.).

9

Да, конечно (фр.).

10

Очень свежая рыба (фр.).

Этого знаменитого русского (фр. *Cette célèbre russe*).

Наша бедная Россия (фр. Notre pauvre Russie).

Подлинно петербургская (фр. Veritable pétérburgien).

Чашку (фр.).

C (φp.).